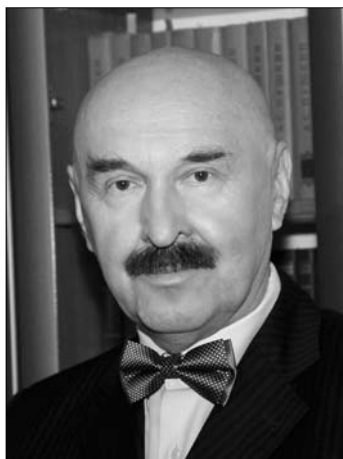

ВЛАДИМИР БУТЕНКО

СУДНЫЙ КАМЕНЬ

РАССКАЗ

В хуторе Анна Акимовна слыла женщиной справедливой и отзывчивой и, несмотря на почтенный возраст, была открыта простым житейским радостям. В разговорах с бабами частенько шутила:

— Я все свои годочки за спину закинула — и не оглядываюсь, не считаю, сколько их там...

Всегда аккуратная, сухонькая, с колкими зелёными глазами, она оставалась такой же расторопной и похватной, как в молодости, когда выступала на клубной сцене с гармошкой. И недаром именно к ней набивался, прилаживался в сожители вдовый учитель Ершов из соседней станицы.

И когда громыхнула входная дверь, качнув занавеску, Анна Акимовна подумала, что пожаловал ухажёр-пенсионер, — обещал поделиться свежим подсолнечным маслом. Но в горницу вломился, сверкая бритой башкой, незнакомый мужик. Громила в кожаной куртке. Бегло окинув комнату, он схлестнулся глазами с настрожённым взглядом хозяйки.

— Здорово, мамаша. Анна Акимовна вы будете?

— Считаю, не промахнулся.

— Нам мазать не положено... Ну, ладушки. Встречайте гостя! Брата своего... Только зря не волнуйте. У шефа инсульт был... Георгий Акимович, вас ждут!

БУТЕНКО Владимир Павлович родился на хуторе Дарьевка Родионово-Несветайского района Ростовской области в 1952 году. Окончил Ставропольский мединститут. Автор нескольких сборников стихов и прозы. Возглавляет альманах "Литературное Ставрополье". За роман "Казачий алтарь" в 2000 г. присуждена краевая литературная премия. Награждён орденом "За возрождение казачества". Член Союза писателей России. Живёт в Ставрополе.

Если бы незнакомец обернулся чёртом или объявил, что приехал сам президент России, казачка растерялась бы меньше, чем сейчас, услышав имя младшего брата, сгнувшего лет тридцать назад.

Тот, кто вошёл, мало чем напоминал Жорку. Жёсткое, скуластое лицо, помеченное на левой щеке шрамом, в глубоких глазницах — холодноватые, бутылочного оттенка глаза, увеличенные линзами очков в тонкой золотой оправе. Чужой как будто, далеко не добрый человек. Но одет по-благородному: ворсистое чёрное пальто до пят, бордовый шарф, светлая сорочка с галстуком.

Сняв широкополую шляпу, он передал её бритоголовому. Вглядываясь в лицо хозяйки, хрипловато поздоровался:

— Ну, со свиданьцем, Анюта!

— Здравствуй, коли не шутишь... Чи ты, Жора?

Гость блеснул рядом матовых фарфоровых зубов, улыбнулся шире и распахнул руки. Обнялись. Вдохнув резкий аромат одеколона, Анна Акимовна хотела было выжать слезу, но не получилось. Просто завздохала, закачала головой.

— Ну, ты прямо, как снег с неба... И не чаяла свидеться. Слава богу, живой! А мамочки с папочкой давно нет... Я им памятник на двоих поставила. Из гранита. Посмотришь...

— У нас программа расписана на весь день, — вполголоса напомнил бритоголовый, давая понять, что менять её нежелательно.

— Ну, тогда раздевайтесь, садитесь, — пригласила взволнованная хозяйка.

Громила принял от шефа одежду, повесил её и присел на диван. В чёрном свитере, обтягивающем плечи, и джинсах он походил на какого-то заграничного актёра. И Анна Акимовна удивилась, когда брат представил:

— Это Сэм, помощник.

— Американец?

— Мы теперь все почти американцы... Ну, нянька моя, как живёшь? Помнишь наше детство?

— Да уж, понянчила тебя! Бусорный* был и чернющий, вроде грачонка, а зараз жизнь присолила!

— Присолила, — усмехнулся Георгий и провёл жилистой ладонью по серебряному ёршику. На её тыльной стороне синела наколка.

— Мне, братушка, хвалиться нечем. Пальцы, видишь, скрючило. Суставы к непогоде жуют, мочи нет. И мужа, Жорик, похоронила.

— Не называй так! Это слово меня позорит. Означает — мелкий жулик, — перебил гость.

— Сердце у него не выдержало. Всю жизнь на тракторе вкалывал. Летом в кабине — пятьдесят жары, зимой — двадцать мороза. А тут ещё пил! По фляге самогона с соседом выцживал. Один сынок, Серёга, остался. Да невестка и внук, да куры на дворе и кошка серенькая. Вот и вся компания! — хозяйка перевела дыхание. — Ну, гостей байками не кормят! Я картошечки поджарю. Соленья у меня. Можно яишню...

— Не дёргайся, не надо, — с усмешкой остановил Георгий. — У нас всё есть. Сейчас стол накроют... Ты получаешь пенсию?

— А как же! В аккурат — на хлеб, соль и спички. А воду Бог и бесплатно даёт. Сильно меня обидели. Насчитали девять тысяч. Проишачила в колхозе сорок два года — и вот моя цена!

Брат повернулся к помощнику с помрачневшим лицом.

— Секёшь, что суки творят... Была передовой дояркой. На съезде партии фоткалась с генсеком, Лёней шепелявым, а теперь — на мусорку... Скажи Оксане, пусть заходит!

Улучив момент, пока не было посторонних, Анна Акимовна поинтересовалась:

— Ты проведать чи по делу?

— И то, и другое. В депутаты Госдумы избираюсь. Хоть и живу в Подмосковье, а на родине шансов больше. Мотаюсь по участку с командой.

* Бусорный (донск. каз.) — подвижный, неугомонный.

— А в тюрьме... долго отсидел?

— Отмотал по полной. Больше об этом не спрашивай. Защём для ясности!

— Чи женат? А по какой части работаешь?

— По той же самой, сестрёнка. Есть шелупонь, а есть солидные люди, как я. Авторитеты. У меня, кроме всего прочего, — акции нефтянки, шоу-бизнес. Хочу построить завод минеральной воды в станице Майданской. Там водичка не хуже “Нарзана”.

Впорхнула с баулом в руке блондинка, удерживая улыбку на кукольном личике, прощепетала приветствие и стала расставлять на клеёнке пластмассовый столовый набор. Анна Акимовна предложила свою посуду, но Георгий не разрешил. Девушка быстро управилась. От запахов копчёностей, осетрового балыка, порезанных на четвертушки апельсинов у хозяйки, питавшейся однообразно, засосало под ложечкой. Увидев, как Сэм водружает на стол бутылки с заграничными ярлыками, Анна Акимовна вскинулась и заспешила в погреб за винцом и малосольными помидорами.

Над подворьем, над степью донской, осиянной блеском солнца, оседали паутинки. Теплынь бабьего лета обволакивала, умиротворяла. Анна Акимовна приостановилась на крыльце, ловя ласковые полуденные лучи. На улице стояли два огромных чёрных автомобиля. Дверца ближнего была открыта, играла иностранная музыка. Ещё два плечистых мужика в таких же куртках, как у Сэма, курили, опершись спинами о чстокол.

Пока брала миску, отмыкала погреб и черпачком вылавливала со дна кастрюли помидоры, семьдесят дум передумала. И радовалась, что нашёлся Жорка, и побаивалась его, не раз сидевшего в тюрьме. Может, от полиции скрывается? Потому и явился, насочинял про выборы? С детства вёл он себя непредсказуемо, но всегда стоял за справедливость. Защищал обиженных друзей. Неплохо учился и после восьмилетки поступил в автодорожный техникум. Но связался с ростовскими урками, на краже попался. С того дня и пошел под откос. Второй раз осудили за воровство. А в третий посадили надолго, за убийство ювелира. Вот и выходит, что с юности не бывал в хуторе. Все Замаховы — многочисленная родня — стыдились Жорки, даже имени его не упоминали. На тюремные письма отвечала мать, а батя не простил. Несколько раз и ей, старшей сестре, присылал арестант поздравительные открытки. Она их выбрасывала. И вот теперь, спустя столько лет, ворохнулось в душе негаданное, покаянное чувство, что не поддержала брата в трудную минуту, не согрела добрым словом. А если бы навалились они всей семьёй, может, и жизнь Георгия сложилась бы по-иному.

К самому застолью подгадал молодежавый атаман Подрясов, усатый, в форме казачьего офицера и скрипучих сапогах. Замахов встретил рослого красавца-есаула довольно сдержанно.

— Догнал?

— За вашими “мерсами”, Георгий Акимович, разве успеешь? Я в райцентр заскочил. Договорился насчёт встречи в администрации. А ровно в пять ждут на элеваторе.

— У нас в семь тридцать ужин в Ростове, — возразил Сэм. — С замом губернатора.

— Тогда я на четыре перенесу, — предложил атаман и пошёл обратно к двери, на ходу стуча пальцами по экрану смартфона. Вскоре он вернулся со двора, сообщил, что всё улажено. Замахов властно глянул поверх очков — и все смолкли. Устоялась тишина. Хозяйка заботливо обежала глазами: у всех ли вилки и тарелочки, всем ли налито?

— Многое у меня есть. Многого достиг. А захочу — ещё больше будет! Я человек состоятельный! — с бравадой произнёс Георгий Акимович и резко понизил голос. — А знаете, чего нельзя купить?

— Уважение людей, — самоуверенно изрёк атаман.

— Можно. И ты мне в этом, ваше благородие, помогаешь... Нельзя купить дом, в котором родился. В том смысле, что у каждого он свой. И я сегодня — здесь!

Замахов, дёрнув кадыком, опрокинул рюмку домашнего вина. Вслед за ним атаман молодецки хватил водки. Анне Акимовне было приятно, что брат предпочёл всем напиткам домашний выдержанный мускат. И когда подошла очередь говорить хозяйке, от волнения она вдруг стала оправдываться.

— Извиняюсь, что в домашнем... Знала бы — нарядилась. И пирогов бы напекла! Ну, да ладно... Думала, Жора, нет тебя. Зарезали или ещё что... А ты объявился. За нашу встречу!

— Быть добру! — громкогласо вставил есаул.

Смущённая Анна Акимовна чокалась с гостями, а сама, теплея сердцем, посматривала на солидного брата, ловила его тёмный, как бы ушедший в глубину взгляд. Потом “толкал речь” Подрясов, хваля кандидата и призывая помогать землякам, которые, конечно, окажут ему доверие. Оратора слушали нехотя: помощник время от времени заглядывал в папку, девица хлопотала над тарелочками. Однако, как они ни отвлекались, ловили каждое слово шефа.

Замахов первым отложил вилку. Посидев в задумчивости, скользнул взглядом вдоль стола и грубо скомандовал:

— Кабак закрыт! Дёргайте на воздух. Хочу побыть с сестрой.

Помощник и эскортница тотчас вышли. А есаул, обидевшись, что его выгоняют из-за стола, не спеша дожевал ветчину и до дна допил водочку. Встав, сощипнул с рукава мундира пушинку. Нарочито медленно захлопнул дверь.

Анна Акимовна никак не могла подстроиться под брата. Его настроение постоянно менялось. В нём, родном человеке, точно бы таился бес, исподволь прорываясь наружу. И вот опять: с лица исчезла суровость, и повеселевший Георгий наклонился к ней.

— Подарка не привёз. Сама выберешь, — и достал из внутреннего кармана пиджака запакованную пачку кушор, положил под руку сестре.

— Пол-лимона. Верней, полмиллиона, — поправился он. — Делай с ним, что хочешь.

— А зачем столько? — сдвинула брови Анна Акимовна. — Я не возьму.

— Бери, когда дают, беги, когда бьют... Так нас отец учил?

— Забери обратно! — настойчиво повторила хозяйка. — Я не нищая. Ещё сама картошку сажаю. Сын помогает, вот что!

— Ты меня, милая, не обижай, не обижай, — с нажимом сказал Георгий, вкладывая в слова такой потаённый недобрый смысл, что у Анны Акимовны похолодела спина. — Я от души. Бабки чистые. Не привык, чтоб отказывали... Считай, что заработала. Когда приедут гаврики с телевидения, расскажешь обо мне. Похвалишь.

Но Анна Акимовна уже оправилась от неприятного чувства.

— Ага! Жди. Расскажу правду. И хорошее, и то, как ты девчонке косу обрезал и учителя чернилами облил.

Георгий с натянутой улыбкой обнял сестру за плечи. Она отстранилась.

— Я тебя, Жорка, побаиваюсь.

— Опять обижаешь. С чужими — и я другой. На мне клейма ставить негде... А в твоём доме тот, что был в детстве... Ты думаешь, я в депутаты лезу? В натуре отбираю голоса, чтоб прошёл нужный “наверху” человек. Бью понты, короче.

— Эх, бедовой ты, бедовой. Всё крутишь-вертишь... А жена, дети есть?

— Были бабы. Последняя загуляла. Наказал. Сын в Германии живёт.

Беседу нарушило появление светловолосого мальчишки. Он юркнул в дом и, прищутив алыччинки тёмно-синих глаз, смело уставился на приезжего дядьку. Замахов, догадавшись, что это внук сестры, подмигнул:

— Ты кто такой?

— Иван Замахов, — заученно выпалил пострел.

— Да это мой наследник, — посветлела лицом Анна Акимовна. — Дня не утерпит. На гармошке учится... Ну, возьми, Вань. Не робей!

Щуплый мальчуган принёс из спальни старинный инструмент. Взгромоздился на стул и поставил на колени двухрядку. Просунул под потёртый ремень ладошку, блеснув зелёным перламутром кнопок. И, подняв глаза к потолку, растянул меха.

Гость, подавшись вперёд, послушал знакомые с детских лет мелодичные переборы. Но довольно скоро потерял интерес: Ванюшка играл ещё неумело, путался. Думая уже о чём-то своём, Георгий встал и, проходя к вешалке, провёл ладонью по верхнему краю мехов, точно погладил. Затем неторопливыми движениями надел пальто, обернул шею шарфом и кивнул на дверь:

— Пойдём, Анюта, по саду погуляем.

Едва за ним закрылась дверь, как внук удивлённо округлил глаза:

— А кто это?

Анна Акимовна убрала деньги в карман фартука, сдёрнула с верхней полки забытую гостем велюровую шляпу и ответила первое, что пришло на ум:

— Депутат. Когда-то жил у нас...

Свита ожидала у машин. А Георгий брёл по тропе сада, вороша чёрными лаковыми туфлями облетевшую листву. Фиолетовые тени падали с двух сторон. Ветерок тянул из долины, неся горчавинку полыни. А в стороне, за околицей, отчётливо темнело крестами и пирамидками кладбище. Георгий посмотрел туда с застывшим лицом. А затем прикипел взглядом к родительскому дому, хорошо видимому с речного берега. Не одному поколению Замаховых был он жизненной пристанью, и поныне казачье строение, белостенное и высокое, с резным фронтоном и кирпичной трубой, выглядело надёжным.

— Экекурсию проводишь? — простодушно спросила Анна Акимовна, хотя весёлости в её голосе было маловато. — Как по музею...

Шутка почему-то задела Георгия, он поморщился. Промолчал.

— Раз ты нашёлся, братушка, то должен чаще приезжать.

— Как получится... Я постоянно в делах. Гость ненадёжный. Как говорится, демисезонный фраер... А ты такая, как была, с душой ясной... Может, вам церковь построить? Я помогу.

— Было бы хорошо! Только верующих в хуторе горстка. А молодёжь про Бога только на Пасху вспоминает. По телику её другому учат. Американскому.

Пологим спуском брат направился к реке. Бережок зеленел сквозь старые засохшие стебли порослью пырея, кое-где торчали вешки цикория с блёклыми голубенькими цветками. Плёс был неширок, отделён плотной стеной рыжего камыша.

— Какая вода! До дна видно, — оживился Георгий. — Как-то в самую жару, днём поймал сома. Подфартило! И купались здесь...

— А помнишь, как дед тебя на камень ставил за то, что не хотел огород поливать? Вон он, рядом с пеньком, — показала рукой Анна Акимовна.

Замахов свернул к угластому плитняку, на котором в прежние времена вязали камышовые маты. Взойдя на серую твердь, повернулся к сестре.

— Дед называл его судным. В старину казаки на таких камнях разборки делали. Не виновен — горилку пить, дали приговор — камень на шею и в Дон!

— А тебе много приговоров выносили? — сорвалось с языка, и Анна Акимовна не придавала этому особого значения.

Но лицо Георгия вдруг побагровело, отчего шрам на щеке проступил отчётливей. И в одно мгновение внутренний бес овладел братом! Перед Анной Акимовной предстал мрачный, с тяжёлым взглядом, отчуждённый человек, готовый на что угодно. По всему, он воспринял её слова как унижение, и только усилием воли сдерживал себя, молчал. Она испугалась так, что закололо сердце. Но, осмелев, с примиряющей улыбкой попросила:

— Ты не обижайся, братушка. Я без умысла.

— Я просил не лезть в душу! — выговорил Георгий сдавленным голосом. — Зачем тебе, сколько у меня ходок? Или хочешь ещё сама судить? Давай. Оглашай состав преступления...

— Ты что, Жора!.. Я твоих законов не знаю.

— Вижу, мой приезд тебе не в жилу. Не можешь принять таким...

— Для меня ты любой — брат! Не входи в раж, опомнись.

— Давай! Суди, родная...

— Я не Бог, — уже твёрже проговорила Анна Акимовна. — А твоя сестра. Кровь у нас одна, да растеклась в разные стороны. А в Библии прописано: не суди и не судим будешь.

Замахов, отвернувшись, прошёл мимо неё. Остановился. И сама не зная, почему, Анна Акимовна подошла к брату и надела ему на голову шляпу. Он порывисто обернулся.

— Скучаю по матери, — вдруг с обжигающей болью признался Георгий. — Только она одна не бросила... У тебя есть фотографии?

— А как же! И молодая. И уже в годах.

— Я сниму на смартфон.

— И забери на память шкатулку! — горячо стала убеждать Анна Акимовна. — Она в ней письма твои хранила.

В доме Георгий не задержался. По несколько раз снял фотокарточки матери. Осмотрел ореховую шкатулку старинной работы и согласился принять в подарок. Ещё раз прошёлся по всем комнатам, точно хотел покрепче запомнить каждую мелочь. Напоследок выведала Анна Акимовна, в какую сторону они поедут, и засуетилась.

— Как раз подвезёте до магазина. А то пешком — далековато.

Вместе с Ванюшкой сели на заднем сидении “мерседеса”. В полиэтиленовом пакете Анна Акимовна передала шкатулку в руки брата. Вероятно, для лучшей сохранности обернула её старыми газетами.

— Потом достанешь. Смотри, чтоб не украли, — строго предупредила Анна Акимовна. — Очень дорогая!

Сэм, сидевший за рулём, переглянулся с Георгием Акимовичем и снисходительно промолчал, трогая автомобиль с места.

— Ты о сыне расскажи, — обернулся Георгий. — Может, ему помочь?

— Нет! Что ты... Он на заработках, на Урале. Вахтовик. Хочет и семью перевезти. А я против! Как это можно родину бросить! Мы ему хороший дом построили. А невестка в детском саду воспитательницей.

— Звони, если что.

Анна Акимовна и Ванюшка долго махали вслед машине, в которой уехал Георгий. Внук не мог устоять на месте от радости: он впервые прокатился на таком крутом “мерседесе”! Его подмывало быстрее рассказать об этом пацанам...

Вечером, уже в потёмках, непоседа пришёл снова. Как репей пристал — учи да учи! И пришлось Анне Акимовне поневоле взять двухрядку.

— Мой отец привёз её с войны. Тыщу раз эта гармошечка на свадьбах и на проводах играла! Потому и западают кнопки. Ну, слушай. “Возвёрнулся казак поседельный”!

Она прокашлялась, строго взглянула на внука. Растянула меха — и голоса ожили, ведя нежную и печальную мелодию, им чутко вторили басы. В глазах казачонка блеснул восторг! Ему казалось, что ещё немножко, и он поймёт, как нужно перебирать пальцами, чтобы звучала такая манящая музыка.

— И-и-эх, ды-а-а, возве-ернулси кы-ызак по-оседель-ый...

Распевно и сильно, точно перед тёмной пропастью, тянула Анна Акимовна, вода мехами. Ванюшка подпевал и неотрывно следил за её руками, не замечая, что на щеке бабушки блестит слезинка.

Поздним вечером Анна Акимовна вышла во двор, чтобы запереть погреб. Глаза её давно не различали в небе звёздочек, а видели только большие созвездья. И теперь переплетения их огнистых ручейков волнующе сияли над степью. И снова с грустью вспомнилось о брате. Вряд ли сростутся их судьбы! И завернул Георгий в хутор попутно, а не потому, что истосковался. Все карточки сфотографировал, а захватить на могилу матери минуты не нашёл. Хоть и обменялись номерами телефонов, а вряд ли позвонит. Особенно после того, как обнаружит в шкатулке свои деньги. Эта уловка пришла ей в голову, когда речь зашла о матери. “Видно, нас мамка с небес помирила”, — перекрестилась Анна Акимовна. Однако подспудно томило сомнение: не зря ли отказалась от царского подарка? Серёга бы машину купил... Но жалеть поздно и не о чем. Да и какие у Жорки могут быть “бабки

чистые”? Если покопаться глубже, окажутся они — тёмные. Недаром планиду избрал — грешную, преступную. Это у неё, хуторянки, деньги от земли-матушки и заработаны честным трудом. Взяла бы подачку — никогда бы руки не отмыла. И стыд носила в душе.

В доме одиноко щёлкали электронные часы, светясь циферблатом. Утекало времечко, утекало... Анна Акимовна решила никому не говорить о том, что приезжал брат. Так, дескать, дальняя родня. А вот соседок и Ершова на угощение пригласить надо: деликатесы остались и бутылки заморские. Посиделки теперь не часты. Раскололи народ Горбач и Ельцин. Одни разбогатели, другие — рубрики считают. Не стало равенства. Точит людей зависть и обида от несправедливости. Волками друг на друга смотрят... Хорошо, Господь её снова от греха отвёл. Не поддавалась искушению. И осталась такой же, как была всю жизнь. И от этой мысли на душе Анны Акимовны стало легче, точно сбросила с плеч камень.

А ночью опять разболелась душа. До зари не сомкнула глаз. Плакала. Ей было жалко брата...

Поздравляем нашего постоянного автора с 70-летием!